

экономико-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в обществе особое место – одновременно связанное с центральным «силовым агрегатом» (политическим, экономическим, ресурсным) и, по возможности, отключённое, независимое, в меру далёкое от него» (с. 51).

Под самый занавес этой рецензии не удержусь всё же если не от ложки дёгтя, то буквально от капельки критиканства. Не люблю я трескучее слово «нарратив». Возможно, если бы кто-то из многочисленных собеседников авторов только заподозрил, что он не рассказывает, не повествует, не беседует, а «нарративит», это спугнуло бы то откровение, ради которого всё и делалось. А может быть, я и не прав. В конце концов, и у авторов, и у их респондентов, и у поколений и поколений предков тех и других стоит на вооружении замечательная поговорка: «Хоть горшком называй – только в печку не ставь». Кстати, за особо бережное отношение к народной поговорке, в отличие от «сухой дефиниции» – отдельное большое спасибо участникам авторского коллектива «Крестьянских жизненных практик».

Примечания

¹ Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant*. New Haven, 1976.

² См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 18–19.

³ Подробнее см.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности и исследования современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.

⁴ См.: Бабашкин В.В. Год 1861-й как провозвестник крестьянской революции начала XX в. // Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия. М., 2011. С. 135–142; Рязанов В.Т. Реформа 1861 г. в России: причины и исторические уроки // Там же. С. 20–44.

⁵ См., например: Кондрашин В.В., Слепнёв И.Н. К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207.

⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 155.

⁷ Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 2. С. 21.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Wolf E.R. *Peasants*. Englewood Cliffs, 1966.

¹⁰ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 10–29.

¹¹ См.: Данилов В.П. Из истории «перестройки» (Переживания шестидесятника-крестьяноведа) // Новый мир русской истории: Сборник статей. М., 2001. С. 420–428.

¹² См.: Современные концепции аграрного развития... // Отечественная история. 1993. № 6. С. 86–89.

Геннадий Бордюгов

Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения*

Gennadiy Bordiugov

(Moscow State Linguistic University, Russia)

Outside agrarian history, beyond the peasant studies

Модная в конце прошлого века тема кризиса исторического познания в начале века текущего трансформировалась в вопрос о дееспособности российского исторического сообщества, в формате кото-

рого кризис представляется несомненным достижением, как запись в анамнезе по сравнению со строкой некролога. Между тем «кризис исторического мышления людей вообще» (Э. Трельч) оказался ско-

* Сталинизм и крестьянство: Сборник научных статей и материалов «круглых столов» и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. Москва: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.

рее социокультурным явлением, нежели профессиональным затруднением, тем более что, как можно судить по количеству публикуемых исследований, никакого кризиса уже и нет. Популярность ныне вновь обретают темы, к концу 1990-х гг. «снятые» по причине либо выработки фактуры, либо ее отсутствия. Новейшая российская историография фактически ведет работу над ошибками историографии постсоветской – повторение пройденного...

Вместе с тем кажется, что наше научное сообщество усвоило себе некую небрежность, расхлябанность, необязательность, зачастую неуместный в деле поиска истины прагматизм, а главное – никак не может ухватить означаемое, скользя по кромке означающего. Да и с чего бы нашей историографии большого стиля, отягощенной государствоцентризмом русской истории, искать смыслы на имперских руинах – там, где их для неё и быть-то не может. Она и не ищет, избавившись почти четверть века назад от принудительной верификации «под Лениным». С тех пор основная масса людей с дипломами преподавателя истории обретает внутреннюю гармонию в лоне нового подхода, где эффективный менеджер Сталин завершает программу либеральных реформ Петра I, задуманную Иваном IV в дни опричных бдений.

На этом фоне естественное любопытство вызывают проекты, участники которых, во-первых, обнаруживают стремление к профессиональному диалогу и, во-вторых, стараются удержать планку этого диалога. Это не то чтобы слишком трудно, однако предполагает селекционную работу по формированию и сохранению круга «своих» авторов. Наконец, такая деятельность должна каким-то способом вписываться в формат отечественной историографической традиции. В этом смысле постсоветская историография, всё ещё не полностью нашедшая свои новые смыслы под сенью крыл пенопластовых орлов, предстает как череда сменяющих друг друга тематических дискуссий, привязанных (реально или виртуально) к исследовательским площадкам, где приветствуется наличие «своего суждения». Эти сообщества, никогда не имевшие

серьёзной системной поддержки в академических или государственных структурах, побуждаемые любознательностью и энтузиазмом, продвигали отечественную историческую науку от проблемы к проблеме.

Среди актуальных исследовательских площадок, претендующих на «свое мнение», обретается и проект «Народ и власть: История России и её фальсификации», стартовавший в 2009 г. международным «круглым столом» «Народ и власть в российской смуте» (журнал «Власть» Института социологии РАН)¹. Как обычно в научной традиции, в тени фасадов организационных структур неизменно угадываются персоналии, выступающие генераторами исследовательской активности. В данном случае речь идет о двух историках-энтузиастах – П.П. Марчене и С.Ю. Разине, трудами которых, собственно говоря, и держится данный проект. Оставляя в стороне чувство искреннего удивления и симпатии по отношению к людям, которые, не имея за душой ничего, кроме мечты и профессиональной компетенции, стремятся реализовать большие научные планы, можно сказать, что участникам проекта и по гамбургскому счёту есть что предъявить: за пять лет этот тандем организовал семь международных «круглых столов», выпустил четыре сборника научных статей, осуществил десятки публикаций в ведущих научных журналах. В числе соорганизаторов последнего, состоявшегося 11 апреля 2014 г. «круглого стола» «Русское крестьянство и Первая мировая война», – Российское общество историков-архивистов, РГГУ, «Новый исторический вестник»². Накануне этого события вышел из печати и рецензируемый сборник, включающий научные статьи, материалы «круглых столов» и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – одного из постоянно действующих «подпроектов» проекта «Народ и власть». Сами авторы-составители позиционируют этот сборник в качестве некоего промежуточного отчёта о проделанной работе и своеобразной прокламации на будущее. Первый выпуск проекта «нащупал» узловую проблему отечественной истории³; второй – конкретизировал и концептуализировал

зировал её⁴; третий оказался сосредоточен на основной форме разрешения кризиса этого взаимодействия – смуте/революций⁵; нынешний, четвёртый, попытался пересмотреть изначную сторону революции и её системного преодоления⁶.

Содержание «Сталинизма и крестьянства» примечательно двумя особенностями: во-первых, отсутствием рефлексии относительно предшествующего этапа «похода в деревню», развёрнутого в отечественной историографии в начале 1990-х гг. и опосредованного изучением сталинского наследия. Во-вторых, проект в целом представляет собой редкий в отечественной науке пример гражданской, политически индифферентной истории. Политические вкусы у коллег, безусловно, присутствуют и они даже не стараются их маскировать, однако результирующий вектор явно оказывается вне политики. Получается это у авторов сборника как бы само собой, чему в немалой степени способствует сохранение своеобразного «ветеранского ядра» – участников ещё шанинских дискуссий начала 1990-х гг. Причём не они задают тон в обсуждении – к добру ли к худу ли, но крестьяноведческие (в смысле евроатлантические, так сказать, кросс-чаяновские, как их позиционировал тогда Т. Шанин) уроки отечественным историческим сообществом остались не выучены. За исключением нескольких рефератов, ухватившихся за методологию «preasant studies», почти никто парадигму моральной экономики крестьянства всерьёз не воспринял. Однако потребность истолкования исторических переломов первой половины прошлого века, сохраняющаяся на новом историографическом витке, опять разворачивает историческое сообщество лицом к деревне, заставляя вспоминать крестьяноведческие штудии Дж. Скотта и Т. Шанина. Правда, сделать это сейчас несколько сложнее, поскольку Скотт, разрабатывая столь близкую ему проблематику Юго-Восточной Азии, напрямую не связывал результаты своих исследований с ситуацией в России. Что же касается Шанина, возвестившего пришествие крестьяноведения в Россию, то его проект Московской высшей школы социальных и экономических наук потребовал от ученого сосредоточения всех сил.

Поэтому участникам группы потребовалось начать с повторения пройденного – что, кстати сказать, заняло весьма немного времени. Так, уже в ходе второго «круглого стола» проекта «Крестьянство и власть в истории России XX века» 12 ноября 2010 г. крестьянство было определено в качестве наиболее значимого субъекта отечественной истории, а крестьянский вопрос рассматривался как узловая проблема оссиоведения, в которой сосредоточены практически все главные коллизии отечественной истории. Решение мобилизовать крестьяноведческие подходы для анализа структур повседневности советской деревни рубежа 1920–1930-х гг. основано на допущении жизнестойкости социальных институтов моральной экономики. Хотя этот подход едва ли может считаться оригинальным интеллектуальным продуктом участников дискуссии, однако зародившаяся во время неё идея исследования колхозной пасторали как сталинской аграрной утопии выглядит свежо и представляется плодотворной.

Подобный опыт для российского исторического сообщества, где истории гражданской вообще не везло (каждый раз, когда проявлялся интерес не к триумфам государей, а к исследованию земли, по странному стечению обстоятельств, случались либо смута, либо коллапс национального масштаба), – не тривиален и важен даже независимо от наличия позитивных исследовательских результатов. Вооружившись солидным запасом первоходческой активности и историографической «наивности», авторы проекта начали с «простых» вопросов о смысле и значении крестьянской проблемы в отечественной и мировой истории; о массовом крестьянском сознании; о соотношении реформ и революций в российском историческом процессе; о причинах, итогах и значении российских аграрных реформ XIX–XX вв.; о проблемах легитимности различных вариантов решения крестьянского вопроса накануне и в ходе Второй русской смуты. Все они были озвучены на семинарах «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», которые поначалу проходили при поддержке Центра аграрных исследований Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Судить о том, далеко ли продвинулись участники проекта, проще всего на основании знакомства с текстом самого сборника «Сталинизм и крестьянство». Среди его авторов, участников «круглых столов» и других мероприятий последнего пятилетия больше половины – участники шанинских семинаров в «Отечественной истории», даниловских конференций, волобуевских форумов в РАН и тому подобных мероприятий 1990-х гг., где историческое сообщество вдохновенно и довольно бурно рефлексировало относительно судеб и итогов России. Даже беглое знакомство с текстами, подготовленными историками для «Сталинизма и крестьянства», позволяет заметить, что аргументы и выводы последних лет (да простят меня коллеги) практически ничем не отличаются от тех, что были в ходу пару десятилетий назад. Получается, что для рецепции объяснительных моделей постсоветского извода понадобилось более 20 лет инкубационного периода и усилия нового поколения энтузиастов. Вот только как правильно расставить акценты: «целых 20» или «все-го каких-то...»?

Под эгидой проекта собрались историки разных направлений, стилей и темперамента, но среди них практически нет молодёжи. Это заставляет несколько настороженно отнестись к перспективам расширения исследовательской площадки, поскольку сформулировать проблему силами небольшой команды экспертов можно, а вот раскрывать её придется на обширных междисциплинарных полях, крупными силами. Ведь на сегодняшний день даже понятие «Сталинизм» – не говоря уже про «крестьянство» – отнюдь не может считаться однозначно истолкованным. Между тем «в гуманитарной науке, – как отметил один из авторитетных участников проекта В.В. Бабашкин, – очень важно называть вещи своими именами. Задача эта чрезвычайно сложная, практически невыполнимая, но стремиться к этому надо»⁷.

Вместе с тем недостатки сборника на фоне заметных и впечатляющих достижений проекта «Народ и власть» выглядят как досадные болезни роста и вызыва-

ют желание не то чтобы критиковать, а скорее дать пару дружеских советов: концептуальная рыхлость и фактическое отсутствие драматургии придают исследовательскому комплексу свойства отчёта, где «никто не забыт, ничто не забыто». Между тем потенциал проекта позволяет экспериментировать и с формой презентации результатов. Так или иначе, труд «Сталинизм и крестьянство» – теперь историографический факт, и в этом качестве претендует на определённое место в отечественной науке. Конечно, роль, которую этот сборник сыграет в историографии, априори не определить. Впрочем, авторы и участники проекта, осознанно или нет, но выбора себе уже не оставили: либо в своём анализе и обобщениях выходить на некий новый уровень, либо удовлетвориться той половиной строчки в историографии, которую они себе уже обеспечили... Хотя и это далеко не всем удается.

Примечания

¹ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный «круглый стол» «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17.

² Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный «круглый стол» «Русское крестьянство и Первая мировая война» // *Новый исторический вестник*. 2014. № 2(40).

³ Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного «круглого стола» (журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2010.

⁴ Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников международного «круглого стола» (журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2011.

⁵ Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. Сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / Под ред. П.П. Марчени, С.Ю. Разина. М., 2012. Авторы даже предложили новый термин – «смутоведение», рассматривая Империи и Смуту в качестве «инвариантов российской истории» (Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир*. 2010.

№ 4. С. 48–65; *они же*. Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.

⁶ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного «круглого стола» (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский воп-

рос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2013. Вып. 8. М., 2013. С. 386–440.

⁷ *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 38.

Евгений Кодин

Рец. на: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.*

Evgenii Kodin

(Smolensk State University, Russia)

Rec. ad op.: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.

Монография известного американского историка, профессора Калифорнского университета в Лос-Анжелесе посвящена проблеме персонификации власти в России. Работа начинается с описания Красной площади, архитектурный ансамбль которой представляется читателю как пример удачно «работающего» сочетания российского традиционализма и современности, что, по мнению автора, олицетворяет собой в России всё, включая политику.

Содержательную часть книги автор сам определяет как собрание связанных между собой очерков о конкретных неформальных и архаичных политических практиках российской элиты, находящих своё отражение в политических «кланах» и «семейственности» (р. 2). В основном он сосредотачивается на «патримониальной персонификации власти» (р. 3). Гетти основывается на теории М. Вебера, который «где-то между традиционной и харизматической формой автократии» отмечал ещё и автократию патримониальную как форму традиционного доминирования личности. На уровне государственной власти это означает, что государство ассоциируется не с учреждениями, а с

конкретной личностью. В этой связи сам автор заявляет, что вся его работа как раз и свидетельствует о том, что «сталинская политика являлась патримониальной», и что в работе в основном исследуется «специфический случай патримониализма – персонификация политики» (р. 6).

В поисках исторических аналогий автор часто уходит очень глубоко в российскую историю, иногда вплоть до норманнского периода. Так, например, именно отсюда он выводит клановость системы государственного управления в России. Патронажно-вассальная система была присуща всей Европе, замечает автор. Но в отличие, например, от французской аристократической Фронды эпохи Людовика XIII в России местные князья и боярская знать всегда счастливо и взаимовыгодно сосуществовали с высшим монархом (р. 13). Власть московского князя не ограничивали ни парламент, ни иные институты, что одновременно устраивало и элиту. Почему? Потому что «абсолютизм и олигархия стали российским структуральным и функциональным ответом местной анархии... Князь нуждался в боярах, и они нуждались в нём» (р. 14).

* *Гетти Дж.А.* Сталинизм в действии: большевики, бояре и живучесть традиции. Нью Хейвен: Издательство Йельского университета, 2013. 359 с.